

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ

УДК 123: 316.3, 32.01

СОВРЕМЕННАЯ ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ: КОНФЛИКТ PRIVACY И TRANSPARENCY

Е.В. Кармазина

Новосибирский государственный
технический университет

Karmazin.88@mail.ru

В статье исследуется актуализированное в современном обществе противоречие двух аспектов свободы, представленных в понятиях privacy (приватность, персональная автономия, неприкосновенность частной жизни) и transparency (транспарентность, «прозрачность», доступность любой информации). Данное противоречие рассматривается в контексте исторической тенденции персонализации идеи свободы и в ее взаимосвязи с интерпретациями безличных объективированных начал социальной жизни, которые обобщенно именуется социальной системой. Фундаментальные ценности современной свободы – приватность и транспарентность – образуют неразрешимое противоречие. Они требуют одновременно закрытости (конфиденциальности, секретности) и открытости (доступности любой информации). Данное противоречие актуализируется и обостряется в эпоху стремительного развития информационных технологий, когда технические возможности сбора, обработки и накопления информации становятся практически неограниченными. Возникающие в этой связи новые аспекты интерпретации свободы приобретают антисистемный смысл. Проблема взаимосвязи личности и системы (вместе с релевантными ей концептами отчуждения и «овеществления» личности) представлена в качестве одной из ключевых в социально-философских и гуманитарных дискурсах, образующей основание всей современной философии свободы.

Ключевые слова: свобода, личность, социальная система, персонализация, объективация.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.2-94-103

В классическом культурном наследии и современном социокультурном мире понятие «свобода» представляет собой сложный и обладающий разветвленной внутренней структурой идейный комплекс, в котором совмещаются и связываются не только идеи, ценности и стили жизни, обладающие смысловым единством, имеющие общие корни и потенциал преемственности, но также и ценностно-нормативные феномены, различающиеся до альтернативности. Духовно-практический смысл понятия (концепта) свободы может варьиро-

ваться от фундаментальных «культурообразующих» гуманистических и демократических значений до черных знамен анархии и бунта, культурного нигилизма и так называемой «уличной свободы» (Б.Н. Чичерин) – развязности и распущенности. Внутренняя структура идейного комплекса свободы столь сложна и вариативна, что периодически, в зависимости от изменяющихся социокультурных обстоятельств, происходит актуализация и обострение тех или иных противоречий, имманентно присутствующих свободе, но пребывающих в «подтек-

сте» ее идейного содержания, присутствующих в ее предметном поле потенциально, «в свернутом виде». По мере общественного развития, под влиянием вновь возникающих социальных вызовов и меняющихся приоритетов, новые содержательные аспекты, «измерения» и противоречия свободы оформляются и актуализируются.

Общий тренд развития понятия «свобода» очевиден для современных специалистов: смысловая духовно-практическая доминанта смещается от преобладавших ранее форматов политического участия, от властных возможностей и эффективного действия – к проблематике индивидуального самосознания, персональной целостности, личной независимости и уникальности личной судьбы. Это историческая тенденция персонализации свободы, одним из первых исследователей которой стал в свое время Б. Констан [4, с. 97–106], указавший на фундаментальное различие понимания свободы древними и современными народами. «Древняя» свобода акцентировала ценность политического участия, гражданские обязанности (они же права) и коллективное целодостижение; в этой модели личность была подчинена целостности и ценности коллектива. В такой системе ценностных «координат» значение личности – подчиненное и служебное, она есть только «часть», имеющая основание не в «самой себе», а в целостности группы. «Современная» (более широко – новоевропейская) свобода на первый план выдвигает ценность автономии личности, право человека «быть самим собой», индивидуальный выбор и решение, возможность думать и действовать самостоятельно. Согласно мысли Б. Констан, гражданское «измерение» (политическое участие) присутствует и в современной свободе, но только «во

вторую очередь», не будучи вершиной иерархии ценностей, а в качестве ценности-средства для обеспечения «прав человека» (ценности-цели).

Историческую доминанту политической и в целом «публичной» свободы отмечает и развернуто комментирует Х. Арндт: до восемнадцатого века включительно «власть и свобода – почти синонимы» [1, с. 36], свобода «представляет собой участие в публичных делах или доступ к сфере политической власти» [Там же, с. 206]. Х. Бродель на материале европейской истории XVI–XVIII веков прослеживает развитие понятия «свобода»: от «свобод» во множественном числе (от сословных, корпоративных, позднее индивидуальных прав, возможностей, привилегий) к обобщенной свободе (в единственном числе), включающей, помимо политических, экономических и религиозных аспектов, идею верховной ценности личности [3, с. 312–325]. Ю. Хабермас фиксирует историческую тенденцию персонализации свободы через противопоставление «свобод старых» (политическое участие и гражданское самоопределение) «свободам новым» (личная автономия и безопасность) [7, с. 149]. Ю. Хабермасу принадлежит также точная и емкая формула, связывающая основания «новой» и «старой» свободы в качестве двух фундаментальных принципов человеческой (индивидуально-социальной) жизни, образующих ее «подтекст». Данные принципы обозначены как «автономия и солидарность».

В современном информационном обществе мы видим последствия и проявления процесса интенсификации и углубления общего исторического тренда развития понятия «свобода» в его индивидуально-социальном измерении и ценностно-

нормативном выражении: от доминанты «публичности» (солидарности, тотальности) к приоритету «приватности» (автономии); от верховенства социально-политических аспектов человеческой жизни – к доминированию персональных, индивидуально-личностных начал. Вместе с тем традиционно отождествляемая с политикой (государственностью и властью) тема «публичности», «солидарности», «участия» индивида в социальном бытии в противовес теме «приватности», «обособления» применительно к свободе в ситуации современности трактуется социальными науками, философией, искусством, публицистикой гораздо шире, чем прежде. На первый план в качестве механизма «участия» (фактора «публичности», «солидарности») выходит понятие «социальная система», обозначающее совокупность всех основных социальных институтов с политической сферой лишь как одну из «подсистем». Согласно канонам общетеоретической социологии, социальные институты – корпорация, государство, право, СМИ, товарно-денежная и финансовая системы, профессиональная структура, система образования, структуры потребительских рынков, институты рекламы и моды – образуют своего рода скрытый «каркас» общества («форму», «структуру»), задающий основные параметры содержания и направления деятельности людей. В современных теоретических дискурсах, публицистике, отчасти даже в массовом сознании, основной вопрос о сущности свободы в ее индивидуально-социальном «измерении» все чаще формулируется не в политическом, а в общесоциальном и одновременно психологическом ракурсе: «Свобода или тирания системы?». При такой постановке вопроса личность (потенциальный субъект свободы) в своем

самоопределении соотносится не столько с государством (властными структурами), сколько с безличной объективированной структурой «социального порядка» в целом. В рамках общей тенденции персонализации идеи свободы становится все более очевидным тот факт, что политическая власть – это лишь малая толика той власти, которую реализует по отношению к людям система «социального порядка». Проблема свободы выступает как задача определения «подлинно человеческого» в сопоставлении и противопоставлении экзистенциальных и социально-системных модусов человеческой жизни. Данная предметная область, как правило, обозначается через взаимосвязь понятий «личность» и «социальная система».

Тема сложных и противоречивых отношений социальной системы и личности представляет собой современную вариацию (модификацию) классического «измерения» свободы, в котором связываются и противопоставляются индивидуальное и коллективное начала человеческой жизни. Каждое из этих начал имеет свой доминирующий принцип, и эти принципы в их общей логике противоположны. В абстрактно-теоретическом аспекте они выражают противопоставление «различия» и «тождества», в практическом ракурсе – тенденции «обособления» и «участия», «автономии и солидарности». Применительно к личностно-системному взаимодействию эти два принципа могут быть выражены через сопоставление двух видов необходимости, присущих человеческой жизни и представленных в идее свободы: «необходимость себя» (М.К. Мамардашвили) и «необходимость дела» («необходимость организации»). В данном «измерении» противопоставлены, с одной стороны, свобо-

да как индивидуализация, самоидентификация («быть самим собой»), целостность и автономия личности; с другой стороны, свобода как «целесообразность», эффективность социально организованной деятельности, которая пронизана целерациональностью (Ю. Хабермас) и подразумевает инструментальность («частичность») человека. Коллективное не тождественно социально-системному, оно включает многообразие отношений «жизненного мира» (в том числе гражданское общество), но в последние полтора столетия (особенно со времен «отчуждения» К. Маркса и «формальной рациональности» М. Вебера) именно данный, безлично-объективированный тип социальных отношений в наибольшей степени проблематизирует тему коллективности (социальности) в ее влиянии на личность.

«Система» выступает по отношению к личности как нечто внешнее, но одновременно внутреннее, представляет собой модуль самосознания и самооценки. Не случайно понятие «идентичность» и вся соответствующая проблематика становится одной из центральных тем современной философии свободы, по-новому интерпретируя содержание персональной автономии. Скрытые (безличные) формы социального взаимодействия актуализируют применительно к сфере отношений «личность и система» понятия «отчуждение», «овеществление», «реификация», символизирующие превращение человека из субъекта (носителя и источника целеполагания, разума и активности, обеспечивающих способность самоопределения) в объект влияния со стороны «анонимных сил» (К. Ясперс). Именно идея субъектности образует смысловой центр понятия «свобода» в его современном толковании: любые формы объектности применительно к личности трактуются не-

гативно, как пережитки тоталитарных практик. В данном контексте безличная объективированная «система» интерпретируется в качестве главной потенциальной угрозы самоопределению (свободе) личности; в информационном обществе тенденции такого рода негативных оценок только усиливаются. Согласно оценке Ю.М. Резника, «...мы убеждены, что основной конфликт современности и, соответственно, главное противоречие рассматриваемой конфигурации свойств человека – это конфликт Человека и Системы. В ходе многовековой борьбы с институциональным насилием со стороны общества и культуры человек научился преодолевать последствия системных ограничений и нейтрализовать их репрессивный потенциал» [5, с. 56]. Ю. Хабермас, выдвинувший в свое время тезис о «колонизации» системой жизненного мира через экспансию безличной целерациональности [8, с. 135–136], конкретизирует тему «системного» давления на личность в современном обществе по следующим позициям: институционализированная борьба за существование, дисциплина отчужденного труда, подавление чувственности и эстетического удовлетворения, диктат профессионального труда, этика борьбы за успех, давление статусной конкуренции, ценности овеществляющего обладания и удовлетворения предлагаемыми суррогатами [9, с. 116]. Логика последовательной персонализации человеческой жизни и свободы требует видеть в «системе» основной источник несвободы и социального зла, уничтожающий живую душу человека и его способность творчества, поэтому «агенты системы», «функционеры» часто оцениваются в духе враждебности, особенно в среде гуманитарной и художественной интеллигенции.

Конфликт двух аспектов свободы – «персонального» и «функционально-инструментального» (системного) – проявляется в нарастающем и широко обсуждаемом специалистами и общественностью противоречии двух типов ценностей, глубоко укорененных в идейном комплексе свободы. Эти ценности – privacy («приватность», персональная автономия, неприкосновенность частной жизни) и transparency (транспарентность, «прозрачность», доступность любой информации). Приватность – один из базовых принципов, на которых строится вся концепция «прав человека» (ценности-цели современной культуры). Понятие транспарентности – «прозрачности», «проницаемости» – на языке современных социальных наук указывает на потенциал возможностей доступа социального субъекта к информации о состоянии многообразных (потенциально любых) социальных явлений и процессов. В широком смысле транспарентность может отождествляться (или, по крайней мере, сближаться по значению) с понятиями «информация» и «знание». В информационном обществе информация неизбежно выдвигается на роль главного ресурса и высшей ценности, выступает в качестве основания могущества, власти и господства политических и экономических структур. Взятая в ином ракурсе, она составляет необходимый ресурс развития, творческой самореализации и профессионального успеха личности. Никогда прежде, даже в эпоху Просвещения, знаменитый тезис «Знание – сила» (Ф. Бэкон) не был столь актуален, как сейчас, столь созвучен духу времени, несмотря на все обвинения и заклинания в рамках «восстания против разума», уже более столетия бушующего на страницах философских трактатов.

Фундаментальные ценности современной свободы – приватность и транспарентность – образуют неразрешимое противоречие. Они требуют одновременно закрытости (конфиденциальности, секретности) и открытости (доступности любой информации). Данное противоречие актуализируется и обостряется в эпоху стремительного развития информационных технологий, когда технические возможности сбора, обработки и накопления информации становятся практически неограниченными [10, с. 7–18]. Именно техническая доступность тотальной информатизации потенциально превращает общество в Паноптикум (образ идеальной тюрьмы в теории И. Бентама). С другой стороны, потребность в оперировании все возрастающими объемами информации постоянно увеличивается и со стороны отдельных людей в их познавательной и творческой деятельности, и со стороны «системных» структур, осуществляющих задачи управления и регулирования в рамках масштабного и сложного социального устройства.

Идея транспарентности во взаимосвязи со свободой имеет двойственный статус и весьма противоречивое содержание. Транспарентность – необходимое условие контроля и управления, поэтому данное качество представляет собой вечное «яблоко раздора» между гражданским обществом и государством, в более широком и общем смысле – между сферами персональной автономии и массовой общественной социально-политической активности людей («жизненным миром») – и объективированными социально-системными, институциональными, нормативно-ролевыми модулями человеческой жизни, которые обобщенно именуется «системой».

С одной стороны, прозрачное общество – это общество «открытое» (по К. Попперу), доступное познанию, пониманию и контролю со стороны составляющих его граждан, для которых такая открытость обеспечивает гарантии соблюдения их прав и интересов в деятельности многочисленных функционеров политической, судебной и финансовой систем, гарантии от многократно происходившего прежде превращения «слуг народа» в его «господ». В этом смысле прозрачность – неотъемлемый элемент демократии и средство защиты индивидуальной свободы, прежде всего в аспекте личностной автономии и независимости (privacy). В данном ракурсе главные императивы принципа прозрачности – требования осуществления гражданских прав и невмешательства системных структур (управляющих и контролирующих инстанций) в частную жизнь людей.

С другой стороны, прозрачность общества – один из главных ресурсов контроля по отношению к гражданам со стороны управляющих структур, институтов власти, политических, правовых и экономических подсистем, осуществляющих общую координацию социальной деятельности, обеспечивающих по своему функциональному назначению социальный порядок и общественную безопасность. В этом ракурсе прозрачность антиномична индивидуальной свободе с ее неотъемлемой составляющей privacy, но необходима в целях социального управления и регулирования.

Защищая от вмешательства «контролеров» и «управленцев» («Большого брата») свою частную жизнь и персональную автономию, рядовые граждане требуют для себя секретности, «непрозрачности», но секрет-

ности для себя требуют и их оппоненты, «функционеры», вполне обоснованно указывая на необходимость сбора информации по многим каналам, открытым и закрытым, а также защиты своих собственных структур (и собственных жизней) в условиях острых конфликтов социально-групповых интересов (внутренних и внешних) и, как следствие, тотальной войны спецслужб, экономического шпионажа, международного терроризма и прочих бедствий. Веками разрабатывается и законодательно оформляется организационный институт «тайны» – государственной, военной, дипломатической, корпоративной – как необходимого условия сколько-либо эффективной социально-системной деятельности. Не следует идеализировать ни саму «систему», ни ее принципы: на этом предметном поле было совершено и совершается множество преступлений, сам тип «системного» («съеденного системой», то есть утратившего личностную автономию) человека отвратителен по канонам современной культуры. Вместе с тем безмерное возвышение экзистенции, порождающее тотальное отрицание социальных институтов, и в теории и на практике приводит либо к «закону джунглей», либо к «войне всех против всех» (Т. Гоббс).

В эпоху всемогущества информационных технологий новыми «героями свободы» становятся хакеры и беглые работники спецслужб, крадущие чужие секреты (государственные, дипломатические и военные) под взаимосключающимися лозунгами privacy и transparency. Главными мишенями в их борьбе реально становятся основные «системные» институты – политические, военные, экономические и т. д., значительная часть которых может рассматриваться в качестве элементов общего организацион-

ного пространства «институционализации» свободы. Несовершенные и подверженные разного рода нарушениям (искажениям), эти «институты свободы» создают в их системном взаимодействии минимально возможные гарантии против всеобщего произвола и безответственности. Борцы против «системь» («Большого Брата») за права человека и гражданские свободы под лозунгами *privacy* и *transparency* опасны тем, что не относят к себе те весьма суровые требования и ограничения, которые были выработаны исторически в процессе институционализации свободы: выборность, отчетность, конкурентность, квалификационные требования (демократические процедуры, легально открывающие доступ к властным решениям и действиям). Требуя открытости, «прозрачности», они становятся чемпионами в технологиях, обеспечивающих собственную закрытость, «анонимность». Требуя соблюдения приватности (конфиденциальности, закрытости), смысл своей деятельности видят в «разоблачениях», краже чужих секретов. Требуя соблюдения закона, постоянно закон нарушают. Особенно показательное отношение к столь фундаментальному социальному институту, как собственность: кража, «утечка», «пиратство» – их открыто объявляемые принципы и фирменные знаки (бренд *WikiLeaks*). Под лозунгами персонализации и прав человека эти люди готовы затеять любую смуту, разрушить основные институты, обеспечивающие жизнеспособность общества. Им кажется, что аргументация, опирающаяся на описание экзистенциальных переживаний в логике «жизни-приключения», все объясняет и оправдывает. Из «Неавторизованной автобиографии» Дж. Ассанжа: «Мы начали со взлома коммерческих планов некоторых компаний, и кайф был про-

сто заоблачным. Меня поражают люди, которые не понимают этого удовольствия, ведь оно идет от созидания, глубокого понимания чего-то непознанного и сотворения нового. Хакерство мы воспринимали как творческий прорыв, дерзкое предприятие, способ перебраться через высокие стены, возведенные для защиты власти, и изменить мир» [2, с. 61]. О взломе военных архивов и дипломатической переписки: «Депеши описывали деятельность посольств по всему миру, они обнажали разнообразные секретные операции, глубоко укоренившиеся предрассудки, факты национального позора и обычные человеческие поступки на всех властных уровнях. Как и предыдущие наши материалы, они делали мир более четким, невзирая на усилия тех, кто стремился представить его в размытом виде» [Там же, с. 241].

Закономерным является вопрос о том, почему преступная и опасная деятельность новых «героев свободы» оправдывается многими людьми и обретает некое подобие ореола морального авторитета. Особую остроту этот вопрос приобретает в связи с тем, что речь идет не просто о пренебрежении профессиональными обязанностями или нарушении закона: практически всегда нарушение «системной» тайны – государственной, военной, дипломатической, профессионально-корпоративной – потенциально несет в себе угрозу безопасности и даже жизни «функционалов», «агентов системы», задействованных в данном сегменте деятельности. Институциональная тайна – на то и тайна, чтобы защищать от постороннего вмешательства значимую и потенциально опасную информацию. В такой ситуации «герои свободы» и их целевая аудитория не могут не понимать, что их разоблачения во имя прав

человека означают вынесение смертного приговора «без суда и следствия» каким-то людям, о существовании которых они во многих случаях даже не подозревают и права которых не принимают во внимание. По вопросу о моральных основаниях такой позиции ответ прост: система – источник социального зла, а «функционеры» – не люди (безличные марионетки, играющие социальные «роли»). Этот жестокий вывод составляет плохо замаскированную тайну современных радикальных борцов за свободу, подтекст их разоблачений в защиту privacy и transparency, в чем они не хотят признаться даже самим себе.

Неотразимое обаяние образа яркой индивидуальности и героической позы борца с системой – важнейший фактор, обеспечивающий новым «героям свободы» широкую популярность и поддержку в обществе. Современное общество в значительной своей части переживает тяжелый системный «кризис идентичности» – отрицание институциональных оснований существующего «социального порядка». Чем более демократичной, «правовой» и лояльной по отношению к людям является «система», тем яростнее становится ее отрицание – таковы законы современной креативности (творческой свободы), презирующей конформизм и через культ личностной уникальности абсолютизирующей принцип «различия». Феномен «идентичности протеста» получает широкое распространение во многих сегментах авангардной культуры и массового сознания, что закономерно в культуре, провозгласившей своими лозунгами принципы экстремальности и провокации. Сегодня тенденция персонализации свободы в ее крайних, наиболее радикальных формах проявляется в разного рода преступлениях и экстремизме как спо-

собах заполнить пустоту в собственных душах, выстраивая героический «образ себя» [6, с. 74–91].

Мы видим в радикальной антисистемной позиции нарушение меры, баланса, равновесия противоположных начал, присутствия свободы, – начал «неделимой» индивидуально-личностной целостности и функционально-инструментальной «частичности», «обособления» и «участия», автономии и солидарности. Роль (статус) субъекта – самое главное в идее свободы, самое драгоценное в персоналистическом ее толковании – заполняет собой все предметное поле свободы, отождествляется с ее единственно «подлинным», «истинным» содержанием и смыслом. При этом обратная сторона и неотъемлемый атрибут субъектности – объектность в ее многообразных формах и модусах – теоретически слабо осмыслена либо приобретает тоталитарные антигуманные черты в теориях с выраженной доминантой социального единства и «трансперсональной» целостности. Исторически продукты социальной объективации (реляционно-нормативные феномены, модусы институциональности) были возвышены в культурной традиции и зачастую приобретали черты сакральности. В современном массовом (особенно интеллигентском) сознании социально-системная (институциональная) объектность, как правило, «под подозрением» и зачастую «под давлением»: по отношению к ней отсутствует необходимая легитимация. В ситуации конфликта ценностей именно объектные, безличные, системно-функциональные модусы социальной реальности оказываются первыми кандидатами на понижение аксиологического статуса и в целом на роль главного источника человеческих страданий и социальных бедствий. Задача любого исследования – видеть неу-

странимый характер этого конфликта и искать пути его «смягчения», гармонизации существующих противоречий в логике компромиссных оценок и решений, признавая, что полная гармония недостижима. Помимо персональной и коллективной идентичности необходимо целенаправленно формировать и развивать «системную» идентичность, механизмы позитивной институциональной идентификации, позволяющие преодолевать присущий современной культуре тяжелый антисистемный синдром. Любая теоретически оформленная или нормативно-практическая модель в данной предметной области не должна принимать сущность свободы как производную только одного из заявленных полярных принципов: ни как творческую индивидуальность, ни как нормативно-функциональную тотальность (либо сводить одно к другому). Необходимо опираться на рефлексивность по поводу их «полярности» в рамках единого индивидуально-социального «измерения», образующего континуум значений, каждое из которых представляет собой меру единства противоположностей. Между традиционной сакральностью системных модусов и современным радикальным их отрицанием в авангардных сегментах культуры надо искать «серединную» модель, совмещающую в себе оба принципа, сколь бы несовместимыми они не казались. В этом смысле проблема свободы есть проблема меры, баланса, равновесия противоположных принципов: любое сколько-либо последовательное нарушение меры, «безмерное» возвышение одного из принципов в ущерб другому создает потенциально опасную и в перспективе нежизнеспособную модель человеческой жизни и свободы. Персонализация свободы не только дарит людям «плоды» личностно ориентированных ценностей – гуманизма,

творчества и толерантности. Она рождает новые противоречия и сопутствующие им формы экзистенциального и социального напряжения.

Литература

1. *Арендт Х.* О революции. – М.: Европа, 2011. – 464 с.
2. *Ассанжс Дж.* Неавторизованная автобиография. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. – 264 с.
3. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. – М.: Весь мир, 2008. – 552 с.
4. *Констан Б.* О свободе у древних в её сравнении со свободой у современных людей // ПОЛИС. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 97–106.
5. *Резник Ю.М.* Многогранный образ человека // Вопросы социальной теории: Научный альманах. – 2010. – Том 4. Человек в поисках идентичности. – М.: Междисциплинарное общество социальной теории, 2010. – С. 18–62.
6. *Фредгольм М.* Пустые души – зияние, которое должно быть заполнено // Идеи и идеалы. – 2012. – № 3 (13), т. 1. – С. 74–91.
7. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.
8. *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. – 1993. – Т. 1. Вып. 2. – С. 123–136.
9. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». – М.: Праксис, 2007. – 208 с.
10. *Brin D.* The Transparent Society. Will Technology Force Us to Choose Between Privacy and Freedom? – Reading, Massachusetts: Perseus Books, 1998. – 377 p.
11. *Autonomy and Solidarity. Jurgen Habermas Interviews.* – New York: Vergo Schocken Books, 1992. – 219 p.
12. *Wellmer A.* Models of Freedom in the Modern World in Hermeneutics in Ethics and Social Theory // Philosophical Forum. – 1989. – № 21. – С. 227–252.

CONTEMPORARY PERSONALIZATION OF FREEDOM: CONFLICT BETWEEN PRIVACY AND TRANSPARENCY

E.V. Karmazina

Novosibirsk State Technical University

Karmazin.88@mail.ru

The paper investigates actualized in the contemporary society contradiction between two aspects of freedom, represented in terms of privacy (personal autonomy) and transparency (availability of any information). This contradiction is analyzed in the context of historical trend of freedom ideas personalization and its relationship with the interpretation of objectified impersonal principles of social life, which are in common referred to as a social system. Fundamental values of modern freedom – privacy and transparency – form an insoluble contradiction. They require a simultaneous closing (confidentiality, privacy) and openness (availability of any information). This contradiction is updated and actualized in an era of rapid development of information technology, when the technical power of collecting, processing and storage of information is practically unlimited. Arising in this connection, new aspects of the interpretation of freedom acquire anti-system sense. The problem concerning relationship of an individual and a system (together with relevant concepts of personal alienation and “reification”) is presented as one of the key socio-philosophical and humanitarian theme in discourses forming the basis of all modern philosophy of freedom.

Keywords: freedom, personality, social system, personalization, objectivation.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.2-94-103

References

1. Arendt H. *O revolyutsii* [About revolution]. Moscow: Evropa Publ., 2011. 464 p.
2. Assanzh G. *Neavtorizovannaja avtobiografija* [Non-authorized autobiography]. Moscow: Alpina books Publ., 2012. 264 p.
3. Brodel F. *Grammatika tsivilizatsij* [Grammar of civilizations].- Moscow: The Whole World Publ., 2008. 552 p.
4. Constan B. *O svobode drevnih v eje sravnenii so svobodoj sovremennih ludej* [About freedom of ancient and modern people] // POLIS. Political Studies, 1993. № 2, pp. 97–106.
5. Reznic U.M. *Mnogogrannij obraz tcheloveka* [Multidimensional image of human being] // Questions of social theory: Scientific almanac. 2010. Tom 4. Moscow: Mezhdisciplinarnoe obshestvo socialnoj teorii Publ., 2010, pp. 18–62.
6. Fredholm M. *Pustye dushi – zhyanie, kotoroe dolzno byt' zapolneno* [Empty Souls – Voids to Be Filled] // Ideas & ideals, 2012. № 3 (13). V. 1, pp. 74–91.
7. Habermas U. *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoj teorii* [Involvement of the Other. Essays on Political Theory]. St Petersburg: Nauka Publ., 2001. 417 p.
8. Habermas U. *Otnoshenija mezhdur sistemoj i zhiznennim mirom v usloviyah pozdnego kapitalizma* [Relations between system and life segments in the conditions of late capitalism] THESIS, 1993. V. 1. Is. 2, pp. 123–136.
9. Habermas U. *Tekhnika i nauka kak ideologiya* [Technique and science as ideology]. Moscow: Praksis Publ., 2008. 417 p.
10. Brin D. *The Transparent Society. Will Technology Force Us to Choose Between Privacy and Freedom?* Reading, Massachusetts: Perseus Books, 1998. 377 p.
11. *Autonomy and Solidarity.* Jurgen Habermas Interviews. New York: Vergo Schocken Books, 1992. 219 p.
12. Wellmer A. *Models of Freedom in the Modern World in Hermeneutics in Ethics and Social Theory* // Philosophical Forum, 1989. № 21, pp. 227–252.